

МАРИНА ИНДИВИ

КНИГА СЕДЬМАЯ

ДРАКОНОВА АКАДЕМИЯ

18+

Драконова Академия

Марина Индивиди

Драконова Академия. Книга 7

«Автор»

2026

Индивиди М.

Драконова Академия. Книга 7 / М. Индивиди — «Автор»,
2026 — (Драконова Академия)

Даррания давно стала мне домом. Домом, который сейчас под угрозой из-за амбиций зарвавшегося дракона, решившего ради слепой жажды власти бросить к своим ногам жизни всех, кто мне дорог. Но я буду не я, если позволю ему это. Даже если ради этого мне придется снова впустить в себя Тьму и принять ее как часть себя навсегда. И Тьма откликается охотно — особенно когда ее направляет Валентайн. И сходит с ума, когда рядом Люциан, в чьем золотом пламени я отчаянно ищу спасение, рискуя сгореть дотла. Они оба готовы сжечь мир до основания не ради победы, а ради того, чтобы меня защитить. Два непримиримых врага, две смертоносные стихии и я — в эпицентре их магии и желаний. Смогу ли я спасти друзей, Драконову Академию и Дарранию, когда выбор между светом и тьмой давно перестал быть просто вопросом магии? Седьмая и заключительная часть серии. Возможно, будет в двух томах (как четвертая).

© Индивиди М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Индивид

Драконова Академия. Книга 7

Пролог

Мертвые земли

Валентайн Альгор

— Ты можешь сколько угодно делать вид, что меня не существует, но мы оба знаем, что это не так.

Голос отца в его голове уже давно перестал быть чем-то противоестественным. И да, с Ленор все было проще, ее действительно можно было выжечь из Лены Тьмой. Но выжечь того, кто стал самой сутью Тьмы, из себя невозможно. Она сольется с ним, а потом он вернется.

И так уже было.

Не раз.

— Мне наплевать. Ты совершил ошибку, когда выбрал меня в качестве мальчика для битья.

— Я выбрал тебя для великой цели, — шипение в голове напоминало голос самой Тьмы. — Ты должен был стать проводником истинной силы в наш мир.

— А истинная сила — это ты, я так полагаю. — Иногда Валентайн ловил себя на мысли, что его разговоры с отцом — это то, что в мире, где сейчас Лена, было бы диагностировано. Но в том мире ровным счетом ничего не знали о магии. Ну или почти не знали, по крайней мере, на том уровне, чтобы воспринять единство двух сознаний в одном теле не как психиатрический диагноз.

Раздавшийся в голове смешок был неожиданным.

— Ты так и не смирился со своей сутью, Рэнгхорн. А мы, между прочим, уже давно могли бы сделать все вместе. И тогда мне не пришлось бы прибегать к крайним мерам.

— Ну разумеется.

— Ты мог бы набирать силу здесь, в самом сердце Мертвых земель, а не прятаться как трус, в Даррании. Где все смотрели на тебя, как на отброса.

— Я ни о чем не жалею.

— Жалеешь, и в этом твоя слабость. Всегда была. Сильнейшие рождаются, чтобы брать то, что принадлежит им по праву.

Иногда Валентайн думал, что если замолчать, Адергайн сгинет. Растворится во тьме. После того, как ему удалось восстановить контроль над телом, он долгое время не проявлялся, а потом все пошло примерно по тому же сценарию, что и с Ленор. Сначала он появился во сне. И почти перехватил контроль. Снова.

Поэтому Валентайн перестал спать.

Не спать — это такая мелочь, когда ты живешь в Мертвых землях. Вот только никто не говорил, что это все больше отдаляет тебя от той человеческой составляющей, что когда-то казалось ему единственной достойной опорой.

Человек не может не спать.

Темный — может.

И чем дольше ты не смыкаешь глаз, чем дольше позволяешь тьме восполнять твои силы, тем отчетливее понимаешь, что пути назад больше нет.

А может быть, и не было никогда. Может быть, все, на что он надеялся — это сплошной самообман.

— Неужели ты это наконец-то понял? — язвительно поинтересовался голос внутри.

— Сам замолчишь, или мне снова отправить тебя во тьму?

Предположим, полностью его выжечь было нельзя, но отправить в забвение ненадолго — вполне.

— Даже если я замолчу, это ничего не изменит. Когда твоя Лена вернется, весь твой контроль полетит светлым под их лживые хвосты. И ты это прекрасно знаешь. Знаешь, как работает черная страсть.

Валентайн сжал пальцы, призывая Тьму, а когда она хлынула в него, в его сознание сплошным потоком, его окутали знакомые волны силы, и наступила драгоценная тишина. Тишина в последнее время стала небывалой роскошью, вот только после такого потока Тьмы, проходящего сквозь его тело и разум, он ничего не чувствовал.

Возможно, отец именно этого и добивался. Чтобы он окончательно превратился в чудовище. Чтобы ему стало окончательно все равно, безразлично все, кроме собственной силы и желания присвоить себе этот мир.

Поразительно, но в такие моменты эти мысли воспринимались совершенно иначе. Не как что-то чужеродное, как что-то само собой разумеющееся. В них не было ни чувств, ни эмоций, просто сам факт того, что можно взять то, что принадлежит тебе по праву рождения.

А именно — всех и все.

И про черную страсть он тоже был прав, потому что даже в таком состоянии у него перед глазами стояла она.

Лена.

И она должна была принадлежать ему в первую очередь.

И она будет. Принадлежать.

Он развернулся на стук в дверь и посмотрел на вошедшего Сезара.

— Лорхорн сбежал, — без предисловий произнес тот.

— Опять.

— Ты обещал ему вытащить Женевьев.

— Я сказал, что достану ее при первой возможности.

— Ты хоть представляешь, что он чувствует все это время? А если бы там была Лена?

— Я бы убил их всех.

Это были не просто слова. Если бы Лена оказалась на землях Фергана, если бы светлый попытался что-то с ней сделать, он выжег бы Дарранию до последнего клочка земли Тьмой и мертвой силой и сгорел бы с ней сам.

— Тогда ты понимаешь, что мы больше не можем медлить. Мы должны прекратить то, что творит мой отец.

— Мы уже обсуждали это, и ты был тем, кто выступал против, — Валентайн посмотрел на него в упор. — Это не я сказал «мирные жители не должны пострадать». Это не я сказал «мы не можем так рисковать, пока там Нэвьеры». Не я убеждал всех, что нам нужна грамотная стратегия, а не сокрушающая мощь тьмы, которая приведет к бойне, в которой смерть будет повсюду.

— Да. Да, я так говорил, но мы...

— Нет никаких нас, Сезар, — Валентайн шагнул к нему. — Достаточно одного взгляда твоего брата на меня, чтобы это понять. Он убил бы меня на месте, если бы мог. Остальные делают мне одолжение тем, что стараются — заметь, я сказал, стараются, вести себя прилично. Начиная с тебя и твоей жены и заканчивая Лорхорном, которого я вытащил с того света. Пожа-

луй, самое искреннее существо из вашей компании — это Миранда, она хотя бы не пытается изображать любезность. Поэтому оставь все свои «мы» для тех, кто действительно готов встать со мной плечом к плечу. Если тебя не устраивает то, что происходит здесь, под моими знаменами, я вас не держу.

Сезар плотно сжал челюсти, на его скулах заиграли желваки.

— Помоги найти Лорхорна, — произнес он, наконец.

— Ищите его сами. Если у него не хватает мозгов оставаться в этом замке на полном довольствии, это не моя проблема.

— Ты шутишь? Его могут сожрать или покалечить твари, которые здесь обитают...

— Возможно, если он лишится руки или ноги, в следующий раз подумает, перед тем как сбегать.

Сезар вперил в него яростный взгляд, но Валентайн уже отвернулся. И спустя пару мгновений услышал, как за спиной гроыхнула дверь.

Глава 1

Россия, Санкт-Петербург

Лена

— И все-таки я попрошу вас сделать это еще раз.

Встречи с психологом уже стали для меня обыденностью. Полиция и медики все еще продолжали изучать меня под микроскопом. Мне даже с профайлером довелось побеседовать: все-таки не каждый день встречаешь девушку, у которой нет ни имени, ни отпечатков пальцев, ни одного снимка ни с одной камеры.

После беседы с профайлером как раз и начались встречи с психологом. Мне даже интересно было, что она там написала в своем заключении, но увы, этого я не знала. А вот если бы я рассказала им всю правду, как они просили изначально (в смысле, пытаюсь узнать, не симулирую ли я амнезию), разговаривала бы я сейчас не с психологом, а с психиатром.

Или вообще лежала бы пластом от целебных таблеточек доброго доктора.

Чему я совершенно не удивилась, так это тому, что нашли меня в том же самом лесу, куда мы с Соней поехали на фотосессию. Видимо, там была какая-то слабая точка нашего мира, или... ну я даже не знаю, темная материя там искривлялась.

Темная материя, темная магия...

Как меня не испарило в процессе перемещения, я понятия не имела, но сейчас хотелось показать Адергайну средний палец и попросить выкусить. Потому что даже у него такое не получилось, он меня распылил на атомы. Ну то есть мое старое тело.

О да, психологу определенно понравилась бы моя история.

— Нарисовать животное, говорите?

Я улыбнулась.

— Да. Любое. Какое придет в голову.

В голову мне пришел Дракуленок в боевом облиии. Оскаленные зубы, просвечивающая сквозь тело броня ребер. Я подтянула к себе листок и нарисовала котенка. Ну то есть, схематично нарисовала. Как-то меня на детальное рисование не тянуло от слова совсем. То, что это котенок, становилось понятно, потому что он сидел на ладони.

— Почему именно котенок?

Я даже примерно понимала ход мыслей этого парня, который сидел напротив меня. Но выдавать этого не собиралась.

— Не знаю, — пожала плечами. — Вы психолог. Вы мне и скажите.

— Вы чувствуете себя беспомощной, Алина?

Они меня называли Алина Сестрорецкая, потом я узнала, что это обычная практика — называть найденных без памяти людей чуть ли не по улицам и местам, где их нашли.

После того, как меня нашли на том же месте, где и Соню, то есть ее тело, полицейские явно начали подозревать, что в Питере появился маньяк. Ну в принципе, они были правы, Адергайн был тем еще маньяком. Только жил он не в Питере.

— Нет.

— А я думаю, чувствуете, и в вашем положении это абсолютно нормально.

Я вздохнула.

— Иногда свои чувства лучше признать и проговорить. И вам станет легче.

Мне? Может быть. Ненадолго.

А вот вам точно не станет. Мне же потом станет еще сложнее.

Чем уже есть.

Как выяснилось, людей с амнезией помещают в психиатрическое учреждение. Поскольку я не была буйной и не рассказала все, как есть, меня не поместили туда, где решетки на окнах.

Это было отделение для людей с депрессией, тревожными расстройствами и все такое прочее. Здесь можно было свободно перемещаться по коридорам и даже гулять в парке, прилегающем к нашему отделению. А вот покидать его мне, естественно, было строжайше запрещено.

«Скажи ему, что он хочет. Пусть отстанет от тебя», — раздался в голове голос Валентайна.

«Я, кажется, просила не влезать в мои мысли без предупреждения».

«Я не влезаю, нам нужно поговорить. Ты просто случайно оказалась на очередном сеансе».

Случайно, ага.

«Не веришь?»

Я не стала отвечать.

Валентайн и его радио «Мертвые земли FM» были единственным способом связи с Дарранией. Ну или с Мертвыми землями, где были новости о Даррании. Ничего хорошего в них, как и в любых новостях, не было. Но хуже всего было то, что мы с ним вдвоем так и не нашли возможность вернуть меня обратно в мир, который стал мне родным.

И причину, по которой у меня (даже с его помощью) это не получается.

— У вас есть еще какие-то вопросы ко мне? — уточнил психолог.

— Нет, — пожала плечами я.

— Хорошо. Тогда на сегодня мы с вами закончили.

«Чудесно», — подтвердил Валентайн.

Я снова не стала комментировать. Поднялась, попрощалась и направилась к себе. Меня поместили в двухместную палату, самую обычную, но отделение было неплохим, после ремонта. А моя соседка по комнате выписалась буквально вчера. Поэтому я временно была одна, если можно так выразиться.

Ведь нельзя считать, что ты с кем-то, если этот кто-то в другом мире и тоже немножко маньяк. Или много.

«Спасибо», — раздалось в голове скептически.

За время, что мы провели «вместе», Валентайн уже неплохо ориентировался и в психологии, и в терминологии, и во многом, что так или иначе связано с Землей, что существенно облегчало нашу коммуникацию.

«На здоровье», — ответила я.

Самым сложным во всем этом процессе было случайно не начать разговаривать вслух (чем я порадовала бы и полицию, и психиатров), но я справлялась. У меня был богатый опыт взаимодействия с магиями и с Ленор.

И, кажется, я давно так не радовалась, как когда узнала от Валентайна, что она жива. Потому что эта девчонка не заслужила просто исчезнуть.

«И за это ты до сих пор не сказала мне спасибо», — в его голосе звучала насмешка.

«Валентайн, ты прекрасно знаешь, что я общаюсь с тобой, потому что у меня нет выбора. И потому что мы должны придумать, как мне вернуться обратно, поэтому если ты по этой теме, то говори. А если нет...»

«По этой, — теперь его голос звучал иначе. Сухо и резко. — Исходя из всего, что мы с тобой уже делали, что попробовали, и какие результаты я видел, причина может быть только одна. Ты не хочешь возвращаться сама. Есть что-то, что тебя держит».

Я с трудом удержалась, чтобы не фыркнуть, и села на постель.

«Ты сейчас говоришь как мой психолог».

«Мне все равно, как это звучит. Но твои потоки магии не ослабли даже в этом мире. Я чувствовал это, когда мы пытались открыть портал. У тебя были все шансы и все возможности, когда вы ездили в лес, и именно тогда я понял, что дело не в месте».

Да, в определенный момент меня решили свозить «на место преступления» в надежде, что моя память проснется, но я поехала туда исключительно, чтобы попробовать открыть себе проход в Мертвые земли.

«Ты же понимаешь, что это бред? Что я хочу вернуться?»

Нельзя было не хотеть после всего, что я знала. После всего, о чем он мне рассказывал. Хотя бы для того, чтобы оторвать голову Фергану и скормить ее Тьме. Да, моя кровожадность несколько возросла после новостей из мира, который катился дракону под хвост из-за власти и амбиций сначала одного могущественного идиота, а теперь вот второго.

«Ты сама говорила, что под явным желанием может крыться что-то еще».

«Это не я говорила, а психолог».

Он говорил это в контексте, что я не хочу вспоминать, потому что мою память блокирует какая-то серьезная травма. Правда, все обследования: КТ, МРТ, все анализы и специалисты так и не сказали, какая. В конце концов мне поставили диагноз «Диссоциативная амнезия» и назначали работу с психологом, прогулки в парке и много отдыха. По их логике, если я ничего не вспомню, а они ничего не найдут, меня ждут новые документы на имя Алины Сестрорецкой и новая жизнь.

«Подумай, что тебя держит в этом мире, Лена».

«Невозможность вернуться обратно!»

На этот раз комментировать не стал Валентайн и вообще исчез. Это я поняла по затянувшемуся молчанию: то ли его зацепили мои слова про вынужденное общение, то ли он решил оставить меня наедине с собой и своими мыслями, чтобы я могла собрать их в кучу и решить, что с этим делать.

Точнее, с тем, что у меня не получается вернуться.

И почему.

Я легла на кровать и уставилась в потолок. Не перечесть, сколько дней я вот так лежала и смотрела в этот потолок, пытаюсь понять, что во мне осталось от меня самой, от моих чувств и какие они на самом деле, эти чувства. Эзотерики любят рассказывать, что когда в твоей жизни ничего не происходит, когда ты вынужденно остаешься на месте, хотя хочешь куда-то попасть — эта пауза дается тебе, чтобы ты могла подумать о своей жизни и истинных желаниях.

Не перечесть, сколько раз за все это время я посылала эту теорию в самых нелестных выражениях куда подальше.

Потому что мне надо было вернуться!

Там остались все мои друзья, и они были в опасности.

О Люциане я старалась не думать. Получалось плохо. Но я все равно старалась. Старалась понять, как мы все пришли к тому, к чему пришли, и что было бы, если бы я тогда не ушла в Мертвые земли. После того кошмарного бала.

«Тебя бы убили».

На сей раз это был не Валентайн, а мой внутренний голос, и тут я была с ним согласна. Ферган не жалел никого, а уж я была идеальным претендентом на показательную порку, читай казнь.

Так что, в итоге, меня здесь держит? Почему у меня не получается вернуться?

Все мои близкие теперь живут именно в том мире. Все, включая Соню...

Я резко села на постели.

«Лен-а-а-а! Не смей молчать! Там моя мама умирает! Из-за тебя!»

Сонин крик вспыхнул в памяти, как острая бритва прошелся по почти зажившей ране, заставившей на мгновение закрыть глаза. В тот день я впервые по-настоящему поддалась Тьме, в тот день я, возможно, стала причиной смерти Сониной мамы. И я вдруг поняла, что это до сих пор меня не отпустило.

Я видела столько ужасов, что хватило бы на сериал в пятнадцать сезонов, но именно этот кошмар не оставлял меня до сих пор, растекаясь по телу волнами боли.

Кажется, я только что нашла то, что удерживало меня в этом мире.

Вскочив с постели, я распахнула дверь палаты и направилась по коридору к посту дежурной медсестры. Сердце колотилось как сумасшедшее, в ушах звенело. Темная магия в крови словно сошла с ума и подрагивала, как искры оголенного провода, на кончиках пальцев. Мне пришлось сжать кулаки, чтобы никто не увидел этих спецэффектов даже случайно, а еще по дороге заглянуть в туалет и проморгаться как следует. Я сделала это вовремя: моя радужка стала из серо-голубой практически полностью черной.

К счастью, меня никто не увидел.

К несчастью, справиться с темной магией в мире, где этой самой магии вообще нет, было значительно сложнее. Я сделала дыхание по квадрату, посидела на унитазе поверх закрытой крышки и посчитала до ста.

Только когда шум в ушах затих, а сила перестала клубиться в крови (вот интересно, если у меня в таком состоянии взять анализы, что они покажут?), я вышла и направилась туда, куда шла изначально.

— Алина? — улыбнулась медсестра. — Ты что-то хотела?

Это была самая приятная из всех, Ирина Сергеевна. Пожилая, она относилась ко всем пациентам как к родным внукам, в наше время такое встречается редко.

— Да, — сказала я, — я кое-что вспомнила.

— Ох, батюшки. Сейчас!

Через пару минут я уже сидела в кабинете врача и под его вопросительным взглядом произнесла:

— Екатерина Андреевна Драгунова.

— Это ваше имя?

— Нет. Я не знаю, кто это. Но мне надо знать.

Умерла она или нет.

Если она жива, я расскажу ей, что у нее есть внучка, которую зовут Миранда, и что Соня вспоминает о ней каждый день.

И что, если она захочет, она сможет их увидеть. Потому что я, вероятно, смогу забрать ее с собой.

Глава 2

Лена

Пока я заплетала косу, у меня заболели руки. Не представляю, что случилось с моими волосами, но росли они с такой скоростью, как арбузы от селитры. Постричься мне пока не грозило, да и как-то в принципе было не до этого, а сейчас, перед встречей с Сониной мамой я волновалась безумно.

В целом, все изначально пошло не так, как я планировала. Во-первых, ко мне снова приехали из полиции, чтобы побеседовать. Во-вторых, я узнала, что она жива. В третьих, беседовать наедине нам никто не позволил бы. Это я поняла, когда мне сообщили, что на нашей встрече будут присутствовать полицейский и мой психолог.

— Чем больше, тем лучше, — проворчала я.

— Что? — переспросил врач, прищурившись.

— Подумала, что стоило бы еще оркестр пригласить.

— У вас прорезался сарказм, Алина?

Да он у меня никогда и не сидел внутри, как зуб мудрости, если уж говорить откровенно.

— Я не знаю, кто эта женщина, и что нас связывает. Возможно, вообще ничего.

— Именно поэтому вас с ней нельзя оставлять наедине.

К такому жизнь меня не готовила. Ну то есть она вообще мало к чему меня подготовила из того, что в ней произошло, но могла бы ради разнообразия упростить мне прохождение квеста под названием «разговор с матерью Сони». Как будто мало мне было всего остального.

— Да, я уже поняла, — ответила я.

Врач пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал. У меня их было два, один терапевт, который был абсолютно адекватным, и второй психиатр, Артем Русланович, который смотрел на меня... ну в общем-то, я так поняла, что он на всех так смотрит. Как на потенциально психически нездоровых.

Встречу нам назначили через два дня после того, как я сообщила имя матери Сони, и вот наконец это время настало. Плотно затянув резинку на косе, я перекинула ее за спину и посмотрела на себя в зеркало. Со стороны даже не скажешь, что я была той самой девушкой, которая дважды преодолела границы миров, причем второй раз — по собственному желанию. Это если верить Валентайну.

Он считал, что мне очень сильно захотелось сбежать, а я так не считала. Но сейчас понимала, что, возможно, он прав. Мои нервы вышли из чата на последней ссоре с Люцианом, когда мы орали друг на друга как ненормальные (привет, Артем Русланович).

Спрашивать у Валентайна о Люциане было бы странно. Очень, очень странно, поэтому я не спрашивала. Почти. Только узнала, что он жив, и что у него, как и у меня, теперь двойственная магия. Которую он, как сказал Валентайн, получил, когда я вытащила его с того света.

Но даже это был донельзя странный разговор, в котором Валентайн со смешком сообщил мне, что Люциан наконец обрел свою истинную суть.

«Что это значит?» — спросила я тогда.

«Это значит только то, что светлым он никогда не был».

«Мне вообще непонятен этот ваш прикол делить всех на светлых и темных».

«Этот, выражаясь твоими словами, прикол, пошел из Даррании. Мы все берем начало и от тьмы, и от света. Лозантирова мощь всегда прорастала сквозь все так называемые светлые начинания Тамей».

«Вот давай только без этих твоих сексистских высказываний. Потому что что там через кого прорастает — хороший вопрос».

«Это просто законы мироздания, Лена».

Я тогда решила свернуть разговор, но в итоге, когда мне снова хотелось спросить о Люциане, в груди как будто возникал ком, мешающий говорить. Второй раз, когда мы о нем заговорили, получился еще более странным.

«Он хоть знает, что я жива?»

«За кого ты меня принимаешь?»

«За тебя», — ответила я, и после этого мы с ним не разговаривали пару недель.

Все эти воспоминания проносились у меня в голове, когда я шла на встречу с Сониной мамой. Она должна была состояться здесь же, в клинике, в небольшой переговорной комнате, где обычно посетители встречались с родственниками.

Она задерживалась, поэтому все, что мне оставалось, сидеть и рассматривать картины на стенах, призванные умиротворять и расслаблять, и думать о том, как эта встреча пройдет. Когда я сказала Валентайну о том, что Сониная мама жива, и попросила передать ей эту информацию, он в свойственной ему манере отказался.

«Скажешь сама, когда вернешься».

«Валентайн, не глупи. А если я не вернусь?»

«Ты вернешься».

«Ей нужно знать это прямо сейчас!»

«Она смирилась с тем, что ее нет по твоей вине. Поэтому и говорить об этом нужно исключительно вам».

Жаль, что по беспроводной мировой связи нельзя как следует огреть собеседника по голове. Потому что в этот момент мне очень этого хотелось. Очень хотелось приложить его как следует, хотя бы за слова «Она смирилась с тем, что ее нет по твоей вине», но потом я подумала, что сама просила Валентайна говорить мне исключительно правду.

Соня действительно так считала, даже если она просила у меня прощения за свою резкость (по той же самой межмировой связи), даже если говорила, что не должна была меня обвинять. Я знала, что она все равно так или иначе считает меня виноватой в том, что произошло: возможно, потому что я очень хорошо знала Соню. Ну и, говоря откровенно, мы там вместе накосячили, но я все-таки больше, я не должна была лезть в то, о чем не имела ни малейшего понятия. Или как раз имела. Я знала, что темная магия опасна, знала, что управлять ей умею относительно. Да что там, это точно не езда на автомобиле, где один навык остается с тобой навсегда, а потом достаточно пары недель восстановления. Потому что с темной магией надо быть настороже каждое мгновение, каждую секунду, чуть зазеваешься — и она уже управляет тобой, а не ты ей.

Когда-то я считала, что достаточно просто не использовать эту силу, отказаться от нее навсегда, но потом поняла, что так не работает. Чем сильнее ты ее загоняешь внутрь, тем большую мощь она набирает там, ожидая своего часа.

Поэтому лучше сразу принять, кто ты есть.

И все время сохранять это зыбкое равновесие, особенно когда хочется швырнуть кому-нибудь искрящимся шаром тьмы промеж глаз.

Поэтому про Фергана я старалась думать как можно реже.

— Да, это она.

Я вскинула голову на знакомый голос: погрузившись в мысли, я не заметила, как вошла Сониная мама. А с ней полицейские. Почему-то двое.

— Точно она, — подтвердила женщина, ее голос сорвался. — Их там было двое, я не знаю, как они это сделали, но они держат мою дочь в плену, или уже убили, эти сектанты, потому что они знали о ней абсолютно все. О ней, о ее детстве. О нас.

Наверное, я бы меньше охренела, если бы сюда сейчас свалился голый Валентайн. Да, лучше пусть сюда свалился бы голый Валентайн, чем такое.

Потому что вот к такому жизнь меня совершенно точно, окончательно и бесповоротно не готовила.

— Что за бред, — вырвалось у меня, хотя сейчас мне, наверное, стоило бы помолчать.

Полицейские и впрямь смотрели на меня как на сектантку, а мама Сони — как на врага номер один, как будто я и правда убила ее дочь.

— Это не бред! — выкрикнула она. — Вы звонили мне по видеосвязи и несли всю эту чушь про другие миры! Я потеряла сознание, но когда я очнулась в больнице, я все отчетливо помнила! Решили посмеяться надо мной? Не выйдет! Я уже писала заявление в полицию, и вот сейчас ты имеешь наглость снова ко мне лезть?!

Кажется, ее сознание смешало все в одну кучу. Она помнила не портал. Она решила, что у нее слегка сдвинулось сознание из-за потери дочери, и сейчас она правда верила в то, что говорила с нами по видеосвязи, что она не видела того, что видела. Если честно, я даже могла ее понять: сама не знаю, как бы на такое отреагировала, но легче мне от такого не было.

— И в вашем телефоне остался номер, с которого мы звонили? — уточнила я, надеясь воззвать к ее здравому смыслу.

— Нет! Мой телефон вышел из строя! Потому что вы запустили в него какой-то вирус, чтобы все скрыть.

Ладно. Предположим.

Темная магия еще и не такое может вывести из строя, но как-то сейчас понимание этого мне совершенно не помогает. Если я сейчас начну говорить про темную магию, меня точно признают сектанткой, пусть даже и спятившей, и с потерей памяти, и закроют уже в совершенно ином заведении.

Кажется, я не ощущала такой беспомощности уже очень, очень давно.

— Екатерина Андреевна, вы можете идти, — произнес один полицейский, тогда как второй шагнул ко мне.

— Вы же ее арестуете? Вы допросите ее? Вы найдете мою дочь?! Что бы с ней ни случилось!

— Пойдемте. Вам нельзя беспокоиться, особенно после перенесенного инфаркта. — Полицейский взял ее за локоть и вывел из комнаты, а другой навис сверху.

— Ничего не хотите нам рассказать?

— Я понятия не имею, о чем она говорит, — мне стоило немалых усилий оставаться спокойной. Потому что ситуация не просто вышла из под контроля, она обернулась грандиозной проблемой, к которой я оказалась совершенно, катастрофически не готова.

— Да неужели, — в голосе полицейского сквозил металл. — Вы три месяца говорили о том, что ничего не помните, потом называете имя, и женщина, к которой мы едем, опознает вас по фото, как девушку, которая на пару с другой издевалась над ней по видеосвязи по поводу ее пропавшей дочери. Что вам об этом известно?!

— Ничего! — Я выкрикнула это, и тут же об этом пожалела.

Полицейский изменился в лице.

«Помощь нужна?» — поинтересовался Валентин.

— Иди ты!

Запоздало я осознала, что выдала это вслух.

— Что?! — холодно спросил полицейский, доставая наручники.

«Ты знаешь, что делать, Лена».

«Нет».

«Позволишь ему себя арестовать? И что дальше?»

Ответа на этот вопрос я не знала. В точности так же я не представляла, как с этим справиться без магии. Потому что...

— Руки, — скомандовал полицейский.

И я вскинула руки. С ладоней сорвалась струйка тьмы, которую я увела в сторону, чтобы его не зацепить, полицейский отпрянул, его глаза расширились, как будто он не мог поверить в то, что увидел. Потянулся за пистолетом, а я с силой подскочила и врезалась в него всем телом. Будь я здоровым мужиком, он бы улетел в стену и, возможно, что-нибудь бы сломал, но я была хрупкой девушкой с совершенно убийственной магией. Которую поклялась никогда не использовать, чтобы вредить или убивать — если только речь не пойдет о Фергане.

Поэтому ему повезло, он просто пошатнулся, отлетел в сторону, а мне повезло, что второй полицейский увел Екатерину Андреевну, и коридор оказался пуст. Я бросилась в сторону указателей к лестнице, но мне навстречу вывернули двое врачей, опешивших от такого, и я свернула направо, как раз в сторону своей палаты.

Влетев в нее, порывом магии швырнула сначала одну койку поперек стены, следом вторую. А сверху свалила шкаф. Сердце колотилось где-то в горле, я попятилась и вжалась спиной в подоконник. Развернулась к нему, и в этот момент на фоне ставшего уже привычным пейзажа поздней осени — старенького парка, панельки и церкви, полыхнул фиолетово-черным портал.

Я моргнула, когда ладонь Валентайна ударилась о стекло. Я его явно застала врасплох, потому что он был обнажен по пояс, и сейчас в целом казался каким-то миражом, иллюзией, нежели чем реальностью.

— Убери последнюю преграду! — прорычал он, и на этот раз его голос звучал не в моей голове.

— Какую преграду?!

Он снова с силой ударил в окно, и я поняла, что нормальное окно такого удара с силой темной магии просто не выдержало бы.

— Убери, чтобы я мог тебе помочь!

За дверью уже доносились крики. От меня требовали открыть ее, отойти в сторону, и в целом оставшиеся там были настроены недружелюбно.

— Лена! — снова зарычал Валентайн, а я поняла, что уже отвыкла от своего имени, в котором нет рычащих, произнесенного так.

Дверь дрогнула, за спиной что-то посыпалось, я обернулась.

— Ты должна мне довериться! — донеслось из-за спины.

Легко ему говорить.

В этот момент снова раздался грохот: кажется, к истории с дверью подключился пожарный топор. Замок с хрустом вылетел, а вот надежно подпертая дверь — нет.

Я слотнула, потому что выхода из этой комнаты не было: кроме как в окно. Третьего этажа. Но может быть...

— Лена!

— Я тебе не доверяю, понял?! — рявкнула я. — Не доверяю и никогда не смогу!

— Тогда ты застрянешь здесь. Навсегда.

Похоже, именно эта мысль стала последней каплей, потому что когда шкаф дрогнул под напором пытающихся ворваться людей, а следом дверь хрустнула снова, и из нее вылетел кусок, я снова шагнула назад. Но подоконника за спиной не оказалось, вместо этого там оказались руки Валентайна, который прижал меня к своей груди, и я снова ощутила давно забытое ощущение пространственного перехода, когда желудок меняется местами с другими внутренностями.

Правда, в этот раз это было еще между мирами, поэтому у меня вылетело зрение, и я нырнула сначала в темноту, потом невидимая раскаленная спица словно пронзила мою голову изнутри, а потом я упала на что-то твердое, чувствуя, что готова вернуть наружу съеденное за завтраком.

И я бы вернула, если бы ладони Валентайна не легли на мои виски, зато вместо завтрака вернулось зрение. И я обнаружила, что лежу на нем, лицом к лицу.

Шипение за спиной поглотило остатки звуков ломающейся двери с Земли, и наступила абсолютная, звенящая, неестественная тишина. Которую я отлично помнила: такая тишина была только в Мертвых землях.

Глава 3

Лена

Я оттолкнулась и оказалась на ногах быстрее, чем успела это осознать. Слишком много воспоминаний было и об этой комнате, и о таком положении, чтобы оставаться в нем больше сотых долей секунды. Правда, мой организм такого рвения не оценил, и меня опять затошнило. Но уже не так сильно, как раньше, спасибо и на этом.

Валентайн поднялся одним быстрым движением, и я подавила желание попятиться. Ну не набросится же он на меня в конце концов, прямо сейчас? Или набросится? Я уже ни в чем не была уверена, потому что в его глазах клубилась та самая знакомая тьма, которую я слишком часто видела, когда была здесь.

— Прекращай на меня так смотреть, — произнес он. — Ты была единственной, кто не смотрел на меня как на монстра.

— Было время, да, — ответила я. — Могу вообще на тебя не смотреть.

Где здесь выход?

Легкая паника... нет, вру, накрыла меня совершенно нелегкая паника, от которой в ушах снова застучало, а ладони знакомо обожгло скапливающейся в них силой. На какое-то мгновение я потеряла способность ориентироваться в пространстве, а когда она вернулась, я первым делом зафиксировала взглядом знакомую дверь.

Расстояние до нее.

И я даже помнила, сколько до нее идти.

Мне пришлось глубоко вздохнуть, чтобы вот это вот все не погребло меня с головой под обломками паники и былых чувств. Валентайн, к счастью, повернулся ко мне спиной и натянул валяющуюся поверх покрывала рубашку. Но я все равно не могла расслабиться, чувствуя напряжение каждой клеточкой тела. Каждой, блин, порой, потому что все в этой комнате напоминало о том, что я так отчаянно хотела забыть.

О том, как меня предал тот, в кого я верила больше, чем в себя.

О том, как его объятия превратились в кандалы и боль.

О том, как он чуть не убил близкого мне человека... то есть дракона.

О каждом своем вздохе и стоне, и крике в этих покаях.

Я все-таки направилась к двери, но услышала за своей спиной:

— Что, вот так просто уйдешь?

— Я устала от сложностей, — ответила я, и тем не менее остановилась.

— Давай поговорим, Лена.

— Нет. Не-а, — я покачала головой. — Мы достаточно наговорились, пока я была на Земле.

— И?

— И что? Ты думал, что что-то изменится, когда я вернусь? — Я повернулась к нему лицом. — Хотя... кое-что, пожалуй, изменилось! Меня до сих пор бросает от тебя в дрожь, правда, сейчас она куда ощутимее.

— Ты никогда и ничего не боялась.

— Я дохрена всего боялась, Валентайн! — выдохнула я. — Но мне даже в голову не могло прийти, чего я должна бояться на самом деле! Кого!

— Ты сама была под властью Тьмы и черной страсти, — произнес он. — Насколько мне известно, твоему сладкому мальчику несладко жилось с тобой рядом в те дни.

Он упомянул Люциана, и его лицо стало другим. Тем самым, темным, как тогда. Каким я его помнила, и какого я опасалась.

— Или это было другое, Лена? — уточнил он, приближаясь ко мне. — Давай, расскажи мне, что тебя к этому привел я. Или мой отец. Но творили это не я и не мой отец, а ты. Ты просто не хочешь признать, что мы с тобой слишком похожи. Похожи больше, чем ты думаешь, чем ты того хочешь. И как бы спокойно тебе ни было с этой золотой погремушкой, ты уже выросла.

Я почувствовала, как все мое спокойствие испаряется. Будучи на Земле, я тысячу раз прокручивала у себя в голову эту встречу: какой она будет, что я скажу, как я буду себя вести. Но все планы высыпались из моей головы, стоило мне оказаться напротив него. Потому что, что бы кто ни говорил, чувства и эмоции все равно всегда сильнее.

— Решил, что знаешь обо мне все? — холодно поинтересовалась я, скрывая клокочущую внутри ярость. — Что если нас наградило одним дерьмом, то мы похожи? Так вот, Валентайн, у меня для тебя сюрприз: ни хрена. Я каждый день думаю о том, что могла бы сделать иначе, как могла бы все исправить. Я каждый день думаю о том, что это уже не получится, но я могу быть другой сейчас. И я могу изменить все в настоящем, и я изменю, и если ты попытаешься мне помешать, то очень сильно об этом пожалеешь, ты меня понял?!

Он сделал пару шагов, и мы снова оказались лицом к лицу.

Я ожидала всего, чего угодно, но только не того, что произошло потом. Валентайн даже меня не коснулся, он просто посмотрел на меня и сказал:

— Посмотрим.

После чего прошел в сторону манящей меня двери и распахнул ее:

— Пойдем, Лена. Уверен, твои друзья будут рады тебя видеть.

Я в этом была не уверена. Последний раз, когда мы общались...

Ладно, это было очень давно. Мы все изменились. Мы все стали другими, и, похоже, нам придется заново привыкать друг к другу. Если можно так выразиться. Тем не менее я шагнула следом за Валентайном в знакомые мне коридоры, в тишину, в разрываемый светом серебристого магического огня темных полумрак. Первое время, когда я ходила по этим коридорам, мне было непонятно, почему именно магический огонь. Потом я узнала, что живое пламя очень плохо сочетается с Мертвыми землями. Да и в принципе, все живое плохо сочетается с мертвым.

Стоящие на страже велиферты склоняли головы, когда мы проходили мимо, и меня каждый раз словно отбрасывало в прошлое. Я запретила себе об этом думать, что было невероятно сложно: находиться в этом месте — все равно что ходить по раскаленным углям, которых тебе еще и вдобавок напихали за шиворот.

Но, похоже, это наше единственное убежище на ближайшее время.

Наше.

Мое?

Я не знала, кто и впрямь будет рад меня видеть. Не после всего.

Но надо было признать откровенно, больше всего меня волновало мнение одного-единственного дракона. Дракона, которого Валентайн назвал моей золотой погремушкой. И которого не оказалось в гостинной, в которую он меня привел.

Тишину, воцарившуюся когда мы вошли, не могла переплунуть даже звенящая тишина Мертвых земель, которая, казалось, въелась мне под кожу и становилась неотъемлемой частью меня всякий раз, как я здесь оказывалась. Сидевшие здесь Соня с дочерью на руках, Сезар, Ярд и Ленор посмотрели на меня как на призрака. Рыжая девчонка, та, что увивалась за Люцианом, откровенно побледнела, и ее веснушки чуть ли не засияли на бледной коже. Парень, в сердце которого застыл сгусток тьмы, ввинтил в меня взгляд в упор.

В этот момент я поняла, что, кажется, сама не до конца готова к этой встрече. Во-первых, их было много. Во-вторых...

Но не просить же Валентайна забрать меня отсюда, в конце концов. Я мысленно напихала себе в панамку за то, что мне захотелось попросить его остаться, и шагнула вперед. Все в такой же оглушающей тишине. Я уже привыкла к тому, что события моей жизни сменяют одно другое со скоростью летящего с горки калейдоскопа, но в этот момент поняла, что, наверное, надо давать себе паузы.

За сегодня я уже успела побегать от полиции на Земле, пошвыряться темной магией, полежать на Валентайне. Возможно, встречу с друзьями стоило отложить. До завтра, например.

Но что сделано, то сделано, как говорится.

— Всем привет, — сказала я. — Я ужасно нервничаю, поэтому если кто-то скажет хоть что-нибудь, я буду искренне благодарна.

Я услышала звук закрывшейся за спиной двери и сделала еще один шаг к Соне и остальным. Когда я была на Земле, я знала, что должна вернуться, потому что здесь мои друзья. Но я не думала о том, что меня здесь ждет очередная иномирная акклиматизация.

— Я правда не знаю, с чего начать, — добавила я. — Я видела твою маму, Соня. Она считает нас сектантами, но она жива.

Соня моргнула и закусила губу.

Они все сидели на своих местах, как изваяния, поэтому ее реакция стала первой хоть какой-то реакцией на меня. На все происходящее. Потом она осторожно передала свою дочь мужу и поднялась — медленно, как будто сама не была уверена в том, что делает.

Но все-таки именно она первой подошла ко мне и остановилась рядом. Я ее понимала, я их всех понимала: это я общалась с Валентайном и была в курсе всего, что происходит в их жизни. А они меня видели, как ту самую родственницу, которая забывает всех поздравлять с днем рождения, но на юбилей в дорогой ресторан приперлась и теперь требует внимания.

— Тебя не было так долго... — сказала она.

— Да, — подтвердила я. — Очень.

— Я думала, что ты умерла! — Соня сложила руки на груди. — Когда ты ушла в Мертвые земли, я думала...

Она замолчала.

— Потом я узнала, что ты жива. Почему ты не попыталась дать нам о себе знать, Лена?! Хотя бы как-то! Ты думаешь, что мне было все равно? Все равно знать, что я потеряла второго близкого человека за столь короткий срок...

— Твоя мама жива, — напомнила я.

— Да, я помню, и считает нас сектантами. Но мы сейчас о тебе говорим!

— Я думала, что тебе все равно, — в горле то и дело порывался встать ком, мешающий мне говорить, — что ты меня ненавидишь.

— Какого драха ты решила это за меня?! Могла бы сказать, что жива, и спросить — ты меня ненавидишь?! — Сонин голос сорвался. — Вот сейчас — да! Да, я тебя ненавижу за все, что ты заставила меня пережить, когда я думала, что больше никогда тебя не увижу!

Она притянула меня к себе так резко, что из груди выбило воздух. Мне казалось, меня уже ничто не способно пробить, но эти объятия словно ударили по защитной чешуе, которую я наращивала, чтобы не было больно. И она посыпалась окончательно. Первый удар по ней нанес Валентайн, а вторым стало биение Сониного сердца, которое я услышала, когда подруга прижала меня к себе.

Все, что нас когда-то связывало — до того, как мы оказались в этом странном мире с его жестокими играми, обрушилось на меня лавиной давно забытого тепла, радости, чувств, которые, как я считала, уже покинули меня навсегда. Они возвращались по крупицам: так бывает, когда отлежишь ногу или руку, и начинаешь чувствовать покалывание. Только это покалывание было в груди, в сердце.

— Я тоже скучала, — хрипло отозвалась я и обняла ее в ответ.

Соня глубоко вздохнула и сжала меня еще сильнее.

— Ты тут качаешься, что ли? — уточнила я.

— Очень смешно!

— Да вообще не смешно ни разу, ты мне сейчас ребра ломаешь.

Это заставило ее ослабить хватку и чуть отстраниться. Она вглядывалась в меня, в мое лицо, как будто видела впервые.

— Что? — уточнила я. — Я поправилась? Похудела?

— Очень смешно, — повторила Соня, а потом взяла меня за руку и повела к остальным.

Теперь, когда первое напряжение спало, на их лицах появлялись первые эмоции кроме шока. Сезар, пожалуй, был рад. Ленор — под вопросом. Она по-прежнему выглядела оглушенной и, я бы сказала, встревоженной. Ярд как будто был не здесь, его шею разрезал надвое страшный шрам, и я легко коснулась его руки, когда подошла.

— Мы ее вытащим, — поклялась я. — Обещаю.

Он стряхнул мою руку, поднялся и вышел.

— Лучше не говори с ним про Женевиев, — произнесла Соня. — Это ни к чему хорошему не приведет.

За ним следом тут же вышла Амира, а ее парень (это было очевидно, хотя я понятия не имела, как у них до такого дошло) поднялся, теперь в его напряженном взгляде застыла тяжесть.

— Это наша Мира, — произнесла подруга, и Сезар тоже поднялся.

— Осторожно! — воскликнула Соня, потому что Мира проснулась и тут же схватила меня за выбившуюся из косы прядь. — Да, она так делает.

— Ничего, у меня много волос, и растут они быстро, — фыркнула я.

Смотреть на Сонину кроху было странно: я никогда не думала, что это произойдет так быстро. Что она станет мамой так рано. И уж тем более, что это очаровательное живое существо будет... обладать темной магией в таком объеме. Я быстренько перенаправила ее течение, когда Мира попыталась выдать ее в мир, втянула через свою ладонь, приложив ее к крохотной ручке, и стряхнула с пальцев.

— Вот это реакция, — произнес Сезар. — Ты ее что, почувствовала...

— В момент зарождения, — ответила я. И пояснила: — На Земле было очень скучно. Валентайн учил меня тому, чему мог. На дистанционке.

С губ Сони сорвался нервный смешок, а я только сейчас обратила внимание на ее руки: они тоже все были в шрамах, как от ожогов. Про это Валентайн мне ничего не рассказывал, а спросить я не успела. Потому что кожей почувствовала и тьму, и свет.

Мне можно было не оборачиваться, я и так знала, кто вошел.

Но я все-таки обернулась.

И встретила взглядом с Люцианом.

Глава 4

Лена

Мы с ним расстались не самым лучшим образом. Если, конечно, можно так выразиться: потому что мы психанули и разошлись, а после я перекинула себя на Землю. Но сейчас на мгновение мне показалось, что всего этого не было, и что мы просто стоим друг напротив друга в той же самой точке, на которой остановились.

Я не знала, что означает его взгляд, темный и совершенно не золотой, как будто он научился скрывать свои чувства. Хотя раньше точно этого не умел — сначала Люциан просто считал, что все должно быть по его, а потом... а потом привычка тэрн-арха сохранилась: зачем принцу скрывать свои чувства? Или он никогда раньше не скрывал их рядом со мной?

Но этого Люциана я не знала. Во-первых, он был одет в черное, и, вопреки тому, что говорят, что черный идет всем, его он делал пугающе-опасным. Хотя, может быть, дело было вовсе не в черном, а том, что я поняла, что ничего не знаю об этом мужчине, стоящем в дверях. Я понятия не имею, как он жил все это время, я не представляю, почему он выглядит так, как будто тьмы в нем сейчас больше чем света. И я вообще не представляю, что происходит.

Эта растерянность словно выбила почву у меня из-под ног, а потом он просто прошел в гостиную, мимо меня. Потянул застывшую изваянием Ленор (оказывается, она тоже вскочила) на себя и поцеловал в губы.

Мило.

Я чуть было не сказала это вслух, но потом отвернулась и попросила Сезара дать мне поддержать малышку. Пожалуй, это был единственный способ не стать проводником Тьмы в этот мир в грандиозных масштабах. Самое интересное, что теперь себя неловко чувствовали все остальные — я буквально кожей ощутила повисшие в воздухе эмоции под названием «Коктейль Кринжовый».

— Привет, — сказала я Мире, которая совершенно спокойно устроилась у меня на руках, как будто там бывала тысячу раз. — Я была очень далеко, но теперь я от тебя не отлипну, так и знай. Но называть меня «тетя Лена» все-таки не стоит.

Соня снова издала странный смешок, а я ей кивнула:

— Прогуляемся?

Они переглянулись с Сезаром, и мы с подругой направились к двери. Я делала все возможное, чтобы не смотреть в сторону Люциана и Ленор, и мне это удалось. Тем более что сидевшая у меня на руках Миранда всерьез занялась моими волосами, вытягивая прядь за прядью. Она не дергала их с силой, как обычно делают дети, казалось, ей доставляет удовольствие доставать их из прически.

— Она так спокойно себя ведет, — изумилась Соня, рассматривая нас.

— Я прирожденная няня.

— Ты шарахалась от детей на улицах!

— Я шарахалась от детей на самокатах, — фыркнула я. — Никому не хочется, знаешь ли, быть протараненной.

Мы прошли по коридору и спустились по главной лестнице теперь уже, я так понимаю, Валентайнова замка. Несмотря на то, что я здесь была, кажется, целую вечность назад, я помнила все до детали: и серебро факелов на стенах, и сюжеты гобеленов, словно сочащиеся Тьмой, и мрачную атмосферу, которая со времен моего отсутствия существенно не изменилась.

Даже велиферты стояли там, где и прежде, как рыцарские доспехи. И сменялись они наверняка по тем же часам.

— Люциан... — начала было Соня, но я ее перебила:

— Я не хочу об этом говорить.

— А о чем ты хочешь говорить? Знаешь, пока тебя не было, я думала только о том, что это перемещение у нас отняло. Или что мы сами отняли друг у друга. Нашу дружбу: такую, какой она была. Мы могли говорить обо всем без стеснения, помнишь? Даже на самые неловкие темы.

Да, тема Люциана определенно неловкая.

— Давно они сошлись? — поинтересовалась я.

— Практически сразу.

Еще более мило.

— Но ты же понимаешь, что он просто пытается забыть тебя?

— Я понимаю, что кем он был, тем он и остался. Да, Миранда?

Дочь Сони снова схватила меня за волосы и сказала:

— Мама!

— Нет, твоя мама рядом со мной. А я просто Лена. Ле-на. Лена.

— Лама!

— Лама тоже сойдет. — Я взяла ее ручку в свою и поцеловала крохотные пальчики. А после кивнула на Сонины руки: — Ты была рядом, когда проснулась ее сила? А Сезар нет?

— Да, там все... было сложно. Из-за Фергана, из-за всех событий.

— Женевьев все еще в Ведомстве?

— О ее судьбе вообще ничего не известно. Но последнее, что нам удалось узнать, да. Ее забрали туда, и больше мы ничего о ней не слышали.

Бедный Ярд.

Не представляю, как с этим можно жить.

— Валентайн обещал, что вытащит ее, но сейчас любая попытка пересечь границу Даррании равносильна объявлению войны.

— Иногда война — единственный способ расставить все точки над «і».

— Не думаю, что Женевьев хотела бы стать причиной того, что из-за нее прольется столько крови. И военных, и гражданских.

— Не думаю, что Елена Прекрасная этого хотела. Или догадывалась, что Менелай настолько двинутый, — пожала плечами я. — Когда я встречалась с Ферганом, думала, что от него мороз по коже. Не меньше, чем от Адергайна.

— Он совершенно поехавший, — согласилась со мной Соня. — Но ты уходишь от темы.

— Я правда не хочу сейчас говорить про Люциана.

— Если хочешь мое мнение, тебе и не надо про него говорить. Тебе надо поговорить. С ним.

— Зачем? Он сделал свой выбор.

— И что, мы всегда делаем правильный выбор?

Мы с Соней вышли через высоченные двери, которые перед нами с помощью магии распахнули велиферты. Я уже забыла, какое впечатление оставляет пустошь Мертвых земель. Средневековые замки окружали рвами, чтобы враг не мог прорваться. Здесь даже ничего окружать не требовалось: желающих пересечь пепельно-черную пустыню, в которой много всего водилось, возникало на ровном месте, и в которой даже цветы были столь же ядовитыми, сколь и красивыми, вряд ли было много.

По моим скромным предположениям Ферган еще не сунулся сюда исключительно потому, что боялся. Он боялся до одури того, что здесь есть, и того, что это может с ним сотворить. С его величием. Он боялся лишиться своей власти, боялся, что все увидят, что он не всемогущ. Поэтому ждал нас на своей территории, чтобы убивать по своим правилам.

— Я не говорю о правильном или неправильном выборе. Я говорю о том, что он трахает Ленор. Прости, Мира.

— Да, давай лучше без выражений. Хотя она вряд ли понимает, все равно.

Мира, кажется, вообще не слушала, что мы говорим. Она с интересом осматривала местность, где не чувствовалось ни дуновения ветра, не было ни единого звука. Ни даже движения. Поначалу это казалось пугающим, но сейчас я знала, что такая тишина в Мертвых землях — к лучшему. Потому что когда тут начинаются звуки и движ... ну в общем, хорошо, что этого нет.

— Тебя не дергает, когда ты здесь гуляешь? — уточнила Соня.

Почва здесь тоже ощущалась другой: выглядящая как растрескавшаяся от жары, или, скорее, от жара пламени земля, она словно была мягкой, проваливающейся под ногами. И в этом заключалась ее обманчивая ловушка — провалиться здесь было нереально. До тех пор, пока под ногами не окажется истонченная граница, ведущая в Загранице.

Мира же всего этого не замечала. Она смотрела так, как могут только дети, с искренним любопытством. Может быть, потому что чувствовала близкое родство своей силы.

— Нет. Я привыкла.

— А я никогда не привыкну. И не хочу привыкать. Мы должны вернуться в Дарранию.

— Вы можете вернуться на Землю, — сказала я. — Вы все. Теперь, когда я могу открывать порталы.

— И Тьма не возьмет за это плату?

— Она так или иначе возьмет за что-то плату. Какая разница, если процесс уже запущен. Самое страшное я уже прошла, когда была чудовищем, равнодушным ко всему, кроме своих интересов и наслаждений. Но некоторые так и без тьмы живут всю жизнь, и ничего, справляются.

Соня посмотрела на меня в упор.

— Ты предлагаешь мне просто сбежать, пока вы будете сражаться с этим монстром? Бросить вас?

— Я предлагаю тебе и твоей дочери отправиться в безопасное место.

— Думаешь, на Земле мне станет легче? — хмыкнула Соня. — Или ты считаешь, что я просто смогу уйти, когда все так? Да, мы действительно долго не разговаривали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.